

АЛЕКСАНДР КИКЛЕВИЧ
(Олштин, Польша)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ИНВАРИАНТ КАК КАТЕГОРИЯ ОПИСАНИЯ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

В статье рассматривается понятие семантического инварианта и его применение к описанию лексических значений в современной русистике. Автор подробно останавливается на наиболее известных концепциях семантического инварианта — Н. В. Перцова, Л. Зибатова и Г. М. Зельдовича, при этом критически оценивает данные концепции, главный недостаток которых усматривается в том, что они игнорируют синергический характер языковой деятельности, т.е. взаимодействие языковой компетенции с культурно-когнитивным контекстом. Из приведенного автором анализа семантической деривации вытекает, что определение общего значения (которое, по мысли автора, не может рассматриваться как альтернатива для многозначности) должно опираться на принцип амбивалентности, т.е. на конфигурацию дескриптивной семантики знака и закодированной в его содержании когнитивной (культурно релевантной) информации.

Ключевые слова: функциональная семантика, лексическое значение, семантическая деривация, полисемия, семантический инвариант, лексикография.

1. Проблема конвенциональности значения

Значения полисемантов (т.е. многозначных лексических единиц) имеют конвенциональный — разумеется, в рамках определенного языкового сообщества, или окказиональный характер. Так, в предложении

К левому крылу здания подъехала машина

мы имеем дело с конвенциональным, стилистически нейтральным переносным употреблением существительного *крыло*. В предложении

Батарейка села

сфера функционирования полисемии более узкая — она ограничена рамками разговорного стиля. Предложение

*Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины* (С. Есенин)

представляет собой пример окказиональной полисемии, встречаемой в художественном идиостиле. Сама возможность окказионального семантического употребления слова означает, что полисемия, в особенности метонимия, лишь в относительной степени представляет собой явление системы языка, что отражает общую закономерность, на которую в свое время обратил внимание Р. А. Будагов (1978, 8).

Значения полисеманта не могут быть перечислены в виде закрытого списка — семантическое варьирование слова является перманентным процессом, на который влияют многообразные речевые факторы, в частности, такие, как *когнитивный* — общая апперцептивная база речевых субъектов, и *коммуникативный* — условия речевого акта. «Синтагматические связи, присущие слову, входят в характеристику его семантики», — писал Д. Н. Шмелев (1964, 188). Но поскольку нельзя (технически невозможно) представить списком всех возможных синтагматических связей слова, то, разумеется, нельзя и ограничить номинальный объем его семантического варьирования.

Вместе с тем следует, видимо, признать, что по крайней мере большинство значений слова — конвенциональных и окказиональных, в той или иной степени *запрограммировано* системой языка. Толковый словарь не отражает языковую компетенцию в полном объеме, потому что фиксирует только наиболее регулярно встречаемые значения и оттенки, тогда как в языковом сознании носителей языка закодированы также правила *деривации* и *интерпретации* значений и оттенков.

Открытый характер полисемии в значительной степени является эмпирическим обоснованием исследовательского подхода, в соответствии с которым усилия лингвистов направлены на определение семантического инварианта, т.е. хранящейся в языковой памяти понятийной категории, обобщающей все реальные и потенциальные мутации и модификации значения слова.

2. От семантических вариантов — к семантическому инварианту

Можно различать три способа представления информации о семантических категориях: 1) *интенциональный* (или *дескриптивный*) — посредством указания на общий для категории характеристический признак; 2.1) *экстенциональный* — *индуктивный*, т.е. посредством

перечисления принадлежащих к категории элементов; 2.2) экстенциональный — дедуктивный, т.е. посредством указания на прототип категории, т.е. наиболее типичный экземпляр категории (данный тип концептуализации наиболее пригоден в случае сенсорных категорий, таких, как запах, цвет, вкус и др.).

В толковом словаре обычно используются два способа — первый и третий. Лексикографическое описание всегда опирается на наиболее типичные случаи функционирования соответствующих денотатов — к сожалению, такая узость подхода может быть причиной неточностей в представлении того или иного значения. Так, прилагательное *голый* толкуется в словаре как 'не имеющий никакой одежды', но наблюдения показывают, что содержание данного слова более широкое, ср. его употребление в прозе Вал. Попова:

На нем вовсе не было одежды, но и назвать его голым было нельзя, потому что он был с головы до ног забинтован

Приведенный пример указывает на то, что голым является не только человек, не имеющий на себе никакой одежды, но и тот, чье тело ничем не покрыто — тканью или другими предметами, близко прилегающими к телу таким образом, что большая часть тела скрыта от непосредственного наблюдения.

У традиционных толковых словарей есть несколько серьезных недостатков: во-первых, это — чрезмерное, не всегда обоснованное дробление значений. Этим недостатком грешат и многие грамматические описания, о чем, например, эмоционально пишет Дж. К. Кэтфорд (1989, 376). Во-вторых, недостатком лексикографических описаний является отсутствие четких критериев разграничения семантической мутации и семантической модификации. В-третьих, четкому представлению о множестве семантических вариантов препятствует отсутствие признака, обобщающего отдельные оттенки значения в словарной статье.

Так, словарь указывает на шесть значений прилагательного *голый*, при этом в рамках первого значения выделяются два оттенка: 'не имеющий на себе никакой одежды' и 'бедный, нищий'. С одной стороны, можно сомневаться, что мы имеем здесь дело с одним и тем же значением — все-таки семантические различия между данными толкованиями весьма значительны. С другой стороны, читатель может недоумевать: если словарь указывает два оттенка одного и того же значения, то почему не указано и само это значение? В такой практике словаря можно усматривать элементы второго типа представления семантической информации — индуктивного.

Обраќая внимание на одни модификации, словарь игнорирует другие, а главное — игнорирует сам факт, что семантическое варьирование не ограничивается представленным в словаре инвентарем — эта мысль неоднократно высказывалась нами в предыдущих публикациях: Киклевич 1999; 2001; 2003; Kiklewicz 2001. К аргументам, которые уже были высказаны в пользу представляемой здесь концепции, можно добавить еще несколько, имеющих эмпирический характер.

Русский глагол *купить*, основное значение которого: 'приобрести за деньги'. Ср. приводимые в словаре иллюстрации:

купить в булочной хлеба
купить билеты в театр

Субъектом купли является лицо, которое непосредственно входит в контакт с продающим — непосредственный или посредством почты или интернета. Глагол *купить* — как следует из толкования — не распространяется на действия лица, которое инвестирует покупку, ср.:

Мама дала Пете деньги и сказала: — Пойди в магазин, купи хлеба

Покупателем в данной ситуации является *Петя*, а не *мама*, хотя совершенно очевидно, что без участия *мамы* покупка бы не состоялась. В речевой практике можно, однако, встретить и иное употребление рассматриваемого глагола, ср.:

Ивановы купили себе новую машину

В данном случае уже не требуется, чтобы каждый из супругов Ивановых контактировал с продавцом в автосалоне, а может быть, не обязательно и то, чтобы каждый из них участвовал в инвестировании покупки. Подобный семантический оттенок может возникать в предложениях не только с множественным, но и с единичным субъектом, например:

Дедушка — в больнице, но он не забыл о твоём дне рождения — купил тебе велосипед

В этом предложении *купить* означает только 'инвестировать покупку'. Возможно, одним из факторов подобного варьирования данного глагола является стоимость покупаемого предмета, сумма инвестиции — чем она выше, тем менее обязательно непосредственное участие в интеракции с продавцом.

Ср. подобные примеры «иллюзорного» участия в ситуации в предложениях с глаголами *отремонтировать* и *опубликовать*:

В прошлом году мы отремонтировали квартиру, ср. Строительная фирма по нашему заказу отремонтировала квартиру

Петров опубликовал очередную статью в американском журнале, ср. Редакция американского журнала опубликовала очередную статью Петрова

Довольно загадочным является также описание в словаре содержания глагола *варить*. Основное значение этого слова включает четыре оттенка:

1. 'приготавливать пищу, питье кипячением', например: *варить кашу*
2. 'кипятить в воде (в жидкости), приготавливая для еды', например: *варить картофель*
3. 'приготавливать на огне (обед, ужин и т.д.)', например: *варить обед*
4. 'изготавливать путем кипячения, плавления и т.п.', например: *варить мыло*

Как видим, словарь объединяет в рамках одной и той же семантической категории употребления глагола с существительными, которые называют объект кипячения (второе значение), и с существительными, которые называют продукт кипячения (первое, третье и четвертое значение). Что же семантически объединяет конструкции *варить крупу* и *варить кашу*? Семантический элемент 'кипячение'. Поэтому более обоснованным было бы разграничение двух значений глагола:

ВАРИТЬ. 1. кипятить в воде (в жидкости), приготавливая для употребления (чаще всего в пищу), например: *варить картофель* 2. готовить к употреблению посредством кипячения ингредиентов, например: *варить суп, варить обед, варить мыло*

Второе значение следует признать производным, а именно — результатом метонимии.

У. Мартин пишет, что в явлении полисемии находит проявление нежесткий характер понятийных категорий, см. Martin 1997. Поскольку, таким образом, различие между основным и переносным значением оказывается нестрогим и, в принципе, нет возможности определить (например, при составлении толкового или двуязычного словаря) точного количества переносных значений и оттенков основного и переносного значений, само выделение семантических вариантов, а также понятие семантической деривации в некоторой степени теряет научную целесообразность. Стремлением разрешить указанный пара-

докс диффузности значения и објасњается наметившееся в последнее время увеличение интереса к понятию семантического инварианта.

3. Семантический инвариант — различие подходов

В понятии семантического инварианта реализуется психологическая и философская идея гештальта — понятийной или образной категории высшего порядка, которая упорядочивает, организует деятельность человека, в особенности — когнитивную деятельность, т.е. концептуализацию опытных данных, а также функционирование соответствующих знаковых средств. В основе теории инварианта лежит динамический подход к языку (противопоставляемый таксономическому), сущность которого, применительно к описанию лексических значений Г. И. Кустова представляет так:

[...] Странно считать, что язык — это «склад готовой продукции» и что человек должен каким-то образом запомнить и хранить в памяти десятки тысяч совершенно автономных и не связанных между собой значений (а при необходимости оперативно их извлекать). Такое «списочное» устройство языка кажется неэкономным и крайне маловероятным (2004, 18).

Лингвистические истоки теории семантического инварианта лежат в области фонологии — ведь фонема была введена как инвариант конкретных звуковых реализаций. Н. В. Перцов (1999, 412) пишет о влиянии на разработку инвариантов в семантике теории грамматических оппозиций Р. Якобсона.

Теория семантического инварианта, как она представлена в современной лингвистической литературе, имеет ряд дискуссионных положений, среди которых наиболее важными являются, на наш взгляд, следующие: 1. трактовка семантического инварианта как наиболее характерного, прототипического значения; 2. абсолютизация семантического инварианта, представление его как альтернативы для полисемии; 3. игнорирование когнитивной семантики и прагматических факторов содержания лексических знаков. Первый аспект проблемы детально рассматривался нами на примере концепции И. К. Архипова (Киклевич 1999, 98ссл.), поэтому здесь подробно остановимся на втором и третьем аспектах.

3.1. Границы инвариантности

Как известно, в истории лексикологии нет единства относительно интерпретации статуса семантических вариантов слова. По мнению В.

Г. Гака (1998, 190), наметились три точки зрения: 1. плюралистическая — в каждом отдельном значении форма образует отдельную единицу, т.е. сколько значений, столько и слов (Ж. Вандриес, Л. В. Щерба и др.); 2. унитарная — каждое слово обладает только одним лексическим значением, которое представляет собой множество вариантов, т.е. все значения сводятся к единому общему значению (Р. Якобсон, В. А. Звегинцев и др.); 3. функциональная — имеются разные значения слова, которые не сводимы к единому значению (А. А. Потеня, Е. Курилович и др.).

В современных исследованиях все большей популярностью пользуется унитарная концепция, т.е. представление семантического инварианта как альтернативы для многозначности. Во многом данный подход опирается на грамматическую традицию, согласно которой формы, не имеющие общего значения, не составляют грамматическую категорию. Именно так рассуждает известный немецкий славист Х. Яхнов, анализируя категорию падежа в русском языке (1976).

3.1.1. Концепция Н. В. Перцова

В русском языкознании унитарная концепция многозначности наиболее последовательно разрабатывается в исследованиях Н. В. Перцова (1996; 1998а; 1998б; 1999; 2000; 2001), который справедливо считает, что в словарях, а также в лингвистических описаниях встречается чрезмерная дифференциация значений. По мнению Перцова, многие частные значения полисеманта можно объединить в одном семантическом инварианте (1999, 420ссл.), который в словарных толкованиях должен «выноситься за скобки» — тогда будет соблюден принцип иерархичности описания (1996, 37ссл.). Определение семантического инварианта у Перцова таково:

Самым естественным пониманием инварианта является понимание его как общего смыслового компонента, присутствующего в каждом из частных подзначений неоднозначной языковой единицы; такой компонент должен иметь нетривиальный статус (т.е. не должен относиться к семантическим примитивам) и должен «скреплять» все частные интерпретации единицы. Такое единство частных интерпретаций, обеспечиваемое общим смысловым компонентом, действительно представляет собой случай наиболее «удобный» для языковой интуиции носителя языка и для лингвистического сознания исследователя (1999, 414).

Соотношение между инвариантом и полисемией представляется Перцовым следующим образом: хотя инвариант не охватывает абсолютно

всех частных интерпретаций, однако по крайней мере некоторые «ключевые компоненты» входят в содержание частных интерпретаций. Инвариант отражает прежде всего основное значение («базисную интерпретацию»), но обладает компонентами, которые в виде коннотаций входят также в содержание частных интерпретаций.

Несмотря на то, что инвариант в концепции Перцова должен иметь особый, «нетривиальный» статус, однако в действительности оказывается, что при формулировке инварианта используются те же принципы, что и при определении частных интерпретаций. Так, Перцов считает, что инвариантом форм настоящего времени глагола является не одновременность, а гомохронность:

Некоторая ситуация S гомохронна некоторому временному отрезку T (в частном случае — точке на оси времени), если (1) ситуация S имеет место на отрезке T , или (2) реализации ситуации S имели место до отрезка T , и при этом либо после отрезка T реализации S будут иметь место, либо на отрезке T существуют условия для повторных реализаций ситуации S после отрезка T . Это понятие позволяет дать формулировку инварианта настоящего времени: 'данная ситуация гомохронна времени отсчета' (1998a, 12; 2001, 249).

Во-первых, данный пример не убеждает нас в том, что представление семантической информации в виде инварианта, по сравнению с традиционным способом, более удобно — напротив, приведенное выше описание выглядит громоздким и довольно запутанным. Во-вторых, можно сомневаться, что именно такой инвариант (в таком виде) хранится в нашей языковой памяти — уж слишком замысловата его структура. В-третьих, вместо одного инварианта фактически мы имеем здесь три варианта употребления слова, а значит, многозначность переносится из области частных интерпретаций в область инвариантного значения, что представляет собой своего рода автофальсификацию.

Можно сомневаться также в правильности решения русского исследователя, который пишет, что в предложениях

Вода кипит при температуре сто градусов
Земля вращается вокруг Солнца

реализуется настоящее время «гностическое» и «постоянное» (ibidem). Дело в том, что значение времени актуально только в референтных (ситуативных) предложениях, в приведенных же генерических (квалитативных) предложениях формы настоящего времени (а на их месте могут быть также формы прошедшего или будущего времени)

обозначают действие как таковое (или состояние как таковое) безотносительно к моменту речи или к другой временной точке отсчета. Поэтому формы настоящего времени в данном случае не имеют ничего общего с семантическим инвариантом настоящего времени.

3.1.2. Концепция Л. Зибатова

Сторонником унитарной точки зрения на многозначность является и Л. Зибатов, который представляет инвариантное значение русской частицы *же*: 'точка зрения говорящего противоположна точке зрения слушающего или другого лица, неспецифицированного носителя точки зрения' (Zybatow 1990, 38ссл.). В зависимости от синтагматического контекста данное инвариантное значение реализуется несколькими способами. Ср.:

- *Вы мне покажете Дерибасовскую улицу?*
- *Я же первый день в Одессе!*

В данном случае *же* выражает несогласие говорящего с установкой коммуникативного партнера, в соответствии с которой говорящий хорошо знает Одессу (эта установка содержится в пресуппозиции первого высказывания). В предложении

Вы же не пройдете мимо? Вы обязательно поможете

выражается более мягкая форма несогласия с адресатом, а именно — предположение о том, что в рассматриваемой ситуации адресат мог бы поступить иначе.

В предложениях типа

- Красивый же район вырос!*
- Холодно же здесь!*
- Везет же тебе!*

Зибатов усматривает усилительное значение, но тогда возникает вопрос: какое отношение это имеет к семантическому инварианту? Здесь налицо экспрессивная или же эмотивная семантика, которую можно выразить соответствующими частицами:

- Ах, какой красивый район вырос!*
- Ох, как здесь холодно!*
- Ну и везет тебе!*

Конечно, эта экспрессивность в какой-то степени основана на альтернативе: 'могло бы быть иначе — намного лучше или намного хуже',

однако можно сомневаться, что семантика альтернативы передается в этом случае в ассертивной части содержания частицы *же*.

Если альтернативность достаточно очевидна в императивных предложениях типа

Войдите же! = 'Войдите; я вижу, что вы — вопреки моему приглашению или ожиданию — не входите'

то не совсем ясно, в чем заключается альтернативность предложений типа:

Будьте же счастливы!

Вряд ли можно согласиться с трактовкой, что такая форма высказывания основывается на предпосылке, что возможно альтернативное положение дел, ср.:

В жизни вас ждет много испытаний — будьте же счастливы!

Скорее, здесь с помощью частицы *же* выражается консеквентность или же она употребляется в присоединительном значении — на это указывает и контекстное окружение:

Вы решили пойти по жизни вместе — будьте же счастливы!

В этом случае возможна замена частицы *же* частицей *так*:

Вы решили пойти по жизни вместе — так будьте счастливы!

Употребления русской частицы *ведь* обобщаются Зибатовым в виде инварианта: 'точка зрения говорящего корреспондирует с точкой зрения слушающего или другого носителя точки зрения' (1990, 71сл.). Так, произносятся высказывания

Ты ведь это сам прекрасно знаешь

Ведь это наш учитель музыки

говорящий предполагает, что коммуникативный партнер считает так же и может подтвердить данную информацию. Различие предложений (риторических вопросов)

Вы ведь не станете бить женщину?

Вы же не станете бить женщину?

согласно концепции Зибатова, состоит в том, что первое подчеркивает солидарность говорящего и слушающего: 'Я считаю, что нельзя бить женщину; я предполагаю, что вы считаете так же, как я'. Второе предложение, напротив, содержит предположение, что кто-либо мог

бы высказать альтернативную точку зрения. В то же время определенный Зибатовым инвариант, скорее всего, не согласуется с некоторыми языковыми фактами, например, высказываниями, употребляемыми в дискурсе спора:

Что вы ему объясняете — ведь он ничего не понимает!

Кажется, нет сомнений, что здесь частица не выражает солидарности коммуникативных партнеров, напротив — она употребляется для усиления контраста между их точками зрения, ср. парафразу:

Вы ему объясняете, а значит, вы считаете, что он способен вас понять, а он вас, с моей точки зрения, не понимает

В подобных выражениях возможна замена *ведь* на *же*:

Что вы ему объясняете — он же ничего не понимает!

Ср. подобный случай:

*Говорили ведь тебе — а ты не понимаешь!
Говорили же тебе — а ты не понимаешь!*

В обоих высказываниях передается содержание, которое можно представить следующим образом:

'Я напоминаю тебе, что тебе ранее говорили об этом;
я думаю, что ты не помнишь о том, что тебе об этом говорили,
поэтому ты не понимаешь;
я считаю, что это плохо, что ты не помнишь об этом'

3.1.3. Концепция Г. М. Зельдовича

К сторонникам унитарной концепции многозначности следует отнести и украинско-польского русиста Г. М. Зельдовича, который критикует существующие модели описания категории вида в русском языке (в особенности так называемую «инцептивную»), т.е. трактующую совершенный вид (далее — СВ) как смену состояний, а также теорию предельности) и предлагает свою модель, в которой формы СВ рассматриваются как носители семантики однократности действия, противопоставленные неоднократным формам несовершенного вида (НСВ). Как пишет Зельдович,

суть совершенного вида в том, что 'а) Говорящий мыслит множество (множества) ситуаций М; (б) данная ситуация имеет место в М (в каждом М из многих) один раз = для М (каждого М) то, что говорится

с помощью «Р» или «Р + А», имеет место на одном временном интервале» (2002, 40).

При этом одним из преимуществ своей модели автор считает то, что

она вскрывает единство так называемых частных значений СВ (в первую очередь наиболее далеких друг от друга конкретно-фактического и наглядно-примерного: они порождаются одним и тем же инвариантом)» (ibidem, 59).

В подходе, который предлагается Зельдовичем, несомненно, есть интересные с теоретической точки зрения элементы, например, учет речевого контекста при описании реализации форм СВ, а также некоторых правил и принципов коммуникативного поведения. В то же время трудно согласиться с утверждением автора, что в выражениях с глаголами СВ мыслится некоторое множество ситуаций — неясно, как можно обнаружить эту множественность, например, в предложениях с однократными глаголами, ср.:

Иван подпрыгнул

Далее, непонятно, как идея однократности может быть применена к описанию предложений с формами СВ, которые с очевидностью не выражают ни однократности, ни перманентности действия или состояния:

*Иван несколько раз подпрыгнул
Я объездил всю Россию
Я перечитал всех классиков
Во время поездки я встретил всех своих знакомых
В течение пятнадцати лет я переписал всех эти тексты
После многочисленных переделок мы наконец побелили этот потолок
Я пожил и в Москве
Ты докричишься до того, что в конце концов тебя уволят*

Хотя Зельдович пишет, что, «употребляя НСВ, Говорящий мыслит себе много интервалов, на которых реализуется данная ситуация» (2002, 59), языковой материал, однако, не подтверждает этого тезиса. Ср. высказывания, в которых глагол НСВ появляется в контексте перцептивного деонтического оператора:

*Я вижу, что Иван спит
Я вижу, как Иван ест
Я вижу, как Иван засыпает*

Таким образом, можно согласиться с Д. Н. Шмелевым (1977, 82), который пишет: «Несводимость отдельных значений целого ряда слов к какому-либо общему значению совершенно очевидна». Противопоставление инвариантности и полисемии представляется нам необоснованным в силу того, что различные переносные значения слова (а также переносные значения аффиксов) часто образуются по цепочечному принципу (см. Падучева 2004, 148) в результате разных семантических процессов, например, метафоры и метонимии, которые нельзя обобщить в одной категории. Как писал Д. Н. Шмелев (1964, 88), «значения многозначного слова семантически связаны, одно из значений как бы переходит (синхронически) в другое той или иной формуле семантических ассоциаций» (разрядка моя. — А. К.).

Кроме того, как пишет Г. И. Кустова (2004, 16), наличие общих компонентов у разных значений полисеманта не всегда очевидно — характерным примером этого явления можно считать многозначность служебных слов, особенно — предлогов.

В пользу функциональной концепции многозначности (т.е. невозможности сведения всех значений к одному, общему значению) свидетельствует также то, что наиболее регулярные, часто употребляемые в речевой практике, конвенциональные семантические варианты закрепляются в языковой памяти, и такой способ хранения информации, видимо, более удобен, оптимален, чем использование закодированных в содержании инварианта семантических правил, по которым контекстуальные значения выводятся из общего.

3.2. Амбивалентность инвариантного значения

В. Г. Гак (1998, 191) пишет, что если удастся обнаружить общее, инвариантное значение, то либо оно оказывается второстепенным, либо чрезмерно абстрактным. Исследователь приводит анекдотический пример подобного определения инварианта. Французские авторы Ж. Дамурет и Э. Пишон, стремясь найти инвариантное значение форм категории рода существительных, опираются на половые признаки и вводят понятие «полоподобия» (*sexuiseemblance*): род неодушевленных существительных описывается с помощью понятия пола. Так слова мужского рода *moteur* 'мотор' и *remorqueur* 'буксир' с точки зрения исследователей обозначают «самодеятельные объекты», а слова женского рода *maissonneuse* 'жнейка' и *batteuse* 'молотилка' — агрегаты, которые «остаются пассивными до тех пор, пока их не приведет в действие посторонняя сила».

Чрезмерно абстрактный, спекулятивный характер инвариантных значений критикуется также Б. Ю. Норманом. Так, анализируя семантические окказионализмы типа

трикотажные подробности = 'подробности сферы интимной жизни, связанные с дамским бельем, изготавливаемым обычно из трикотажа'
парусиновые ноги = 'ноги в парусиновых брюках'
остановиться на светофоре = 'остановиться на перекрестке перед светофором'

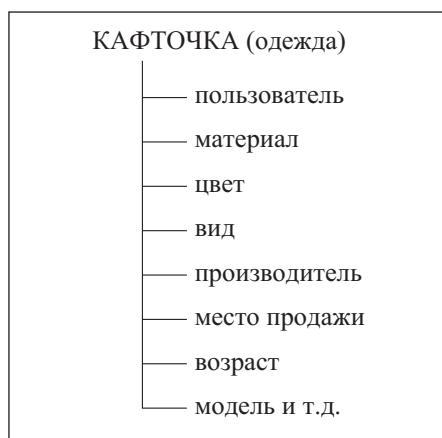
Норман пишет, что, поскольку окказиональные употребления значения слова регулярны, должен существовать некоторый общий механизм их речевой реализации. Так, в случае прилагательного *трикотажный* можно было бы предположить, что в языковой памяти хранится инвариантное значение 'имеющий отношение к трикотажу' (кстати, в подобном духе данное прилагательное и описывается в толковом словаре). Норман, однако, отрицает целесообразность такого описания, считая его предельно широким, умозрительным и нецелесообразным с объяснительной точки зрения (1993, 101).

С одной стороны, исследователь прав, что определенный таким образом семантический инвариант — абстракция, не имеющая ничего общего с реальной языковой компетенцией. Но с другой стороны, можно сомневаться, является ли обоснованной ссылка на «общее значение» без учета взаимодействия слова с синтагматическим контекстом, а также с системой фоновых знаний носителей языка, т.е. без указания на общий алгоритм функционирования слова в культуре.

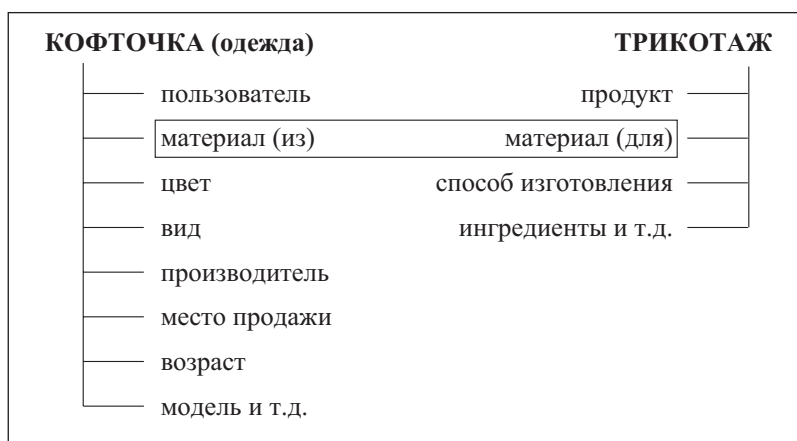
Рассмотрим два употребления прилагательного *трикотажный*:

трикотажная кофточка
трикотажная фабрика

В первом случае *трикотажный* обозначает материал, из которого сделана кофточка, а во втором — продукт, который изготавливается на фабрике. Казалось бы, что их объединяет? Однако оказывается, что в обоих случаях содержание прилагательного непосредственно связано с содержанием существительного, другими словами — оно коннотируется содержанием существительного. Так, в содержании существительного *кофточка* имеется множество семантических признаков, которые можно упорядочить в зависимости от их роли в некоторой абстрактной, идеализированной ситуации с соответствующим аргументом. Так понимаемые семантические признаки можно представить в виде фасет в структуре фрейма:

В сочетании с существительным *кофточка* прилагательное *трикотажный* реализует лексическое значение, которое наиболее согласуется с одной из фасет его семантической структуры. Языковой субъект выбирает такую интерпретацию слова, при которой в содержании лексических компонентов языкового выражения имеются повторяющиеся семантические признаки. Это — известный принцип семантической связности, сформулированный Ю. Д. Апресяном (1974, 14). Поскольку в значении прилагательного *трикотажный* имеется признак 'материал', ср. словарное толкование существительного *трикотаж* = 'машинная вязаная ткань', то естественно, что в выражении *трикотажная кофточка* выбирается именно этот признак, который повторяет одну из фасет в когнитивном содержании слова *кофточка*.

Взаимодействие двух фреймов можно показать также с помощью формул логики предикатов, при этом используется лямбда-оператор (символ λ) со значением 'свойственно':

Если
 λT МАТЕРИАЛ (x, T) (1)

λK МАТЕРИАЛ (K, y) (2)

то

λTK МАТЕРИАЛ (K, T) (3)

Формула (3), которая представляет собой результат контаминации формул (1) и (2), означает: 'Если трикотажу свойственно, что он является материалом для чего-л., и кофточке свойственно, что что-л. является ее материалом, то трикотажной кофточке свойственно, что трикотаж является ее материалом'.

Подобным же образом интерпретируется выражение *трикотажная фабрика*, только здесь семантическая связность основывается на признаке 'продукт', который закодирован как в когнитивном содержании существительного, так и в содержании прилагательного, ср. *трикотаж* = 'машинная вязаная ткань, т.е. являющаяся продуктом деятельности машины или человека, пользующегося машиной'.

Реализуемый в обоих выражениях принцип семантической связности позволяет обобщить их семантические интерпретации, а именно — предложить общее значение прилагательного *трикотажный*:

трикотажный x = 'имеющий отношение к трикотажу, такое, которое является наиболее естественным, оптимальным, соответствующим тому, что мы знаем о трикотаже и что мы знаем о x -е'

Данное значение можно считать «общим», т.е. охватывающим по крайней мере два синтагматических контекста *трикотажный* — сочетания с названиями одежды и сочетания с институциональными именами.

Что касается окказиональных интерпретаций, они могут быть более или менее однозначными, в зависимости от содержания существительного и от степени конвенциональности (стандартности) соответствующих коллокаций. Ср. выражения:

трикотажные подробности

трикотажные мечты

трикотажная книга

трикотажная Лена

Поскольку *подробность* — это 'мелкие обстоятельства какого-л. дела, явления и т.п.', то легко «вычисляется» значение конструкции с прилагательным *трикотажный*: 'частные обстоятельства какого-л. дела, явления и т.п., связанного с трикотажем'. В конкретном примере, который анализируется Норманом, существительное *подробность* имеет более частное, специфическое значение, отсюда — и соответствующее толкование *трикотажных подробностей* — 'подробности сферы интимной жизни, связанные с дамским бельем, изготавливаемым обычно из трикотажа'.

По аналогии с данным случаем выражение *трикотажные мечты* можно интерпретировать как 'мечты о чем-л. связанном с трикотажем, с предметами из трикотажа'. Выражение *трикотажная книга* интерпретируется с учетом референтного значения существительного *книга* — 'источник информации о предметах и явлениях', поэтому наиболее естественной было бы его понимание как 'книга о трикотаже, о предметах из трикотажа, о производстве трикотажа, об истории трикотажа и т.д.'

Последнее выражение наименее очевидно с точки зрения семантической интерпретации: мы можем понять его и как 'Лена, которая любит носить одежду из трикотажа', и как 'Лена, которая работает на трикотажной фабрике', и как 'Лена, которая работает в отделе магазина, где продается одежда из трикотажа' и др.

Заключение

Семантический инвариант не представляет альтернативы для многозначности — он является обобщением контекстных значений, при том, что определяемые в толковых словарях границы между значениями и оттенками требуют уточнения с помощью таких критериев, как дистрибутивный, субститутивный или композитивный. Но даже при таком, умеренном (функциональном — в терминологии В. Г. Гака) подходе адекватное по отношению к языковой деятельности определение инварианта невозможно без учета когнитивного содержания языковых знаков, потому что именно оно является мотивирующим источником смысловых преобразований. Поэтому можно утверждать, что продуктивное развитие лингвистических исследований, в центре которых находится категория семантического инварианта, возможна только при условии кооперации, с одной стороны, лингвистической («внутренней») семантики, а с другой стороны, когнитивной семантики и так называемой лингвокультурологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян, Ю. Д. (1974), *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва.
- Будагов, Р. А. (1978), *Система и антисистема в науке о языке*. В: *Вопросы языкознания*. 4, 3–17.
- Гак, В. Г. (1998), *Языковые преобразования*. Москва.
- Киклевич, А. К. (1999), *Лекции по функциональной лингвистике*. Минск.
- Киклевич, А. К. (2001), *Значение в языке и тексте (о границах между семантикой и прагматикой)*. В: Wojtczuk, K. (ред.). *Leksyka a gramatyka w tekście językowym*. Siedlce, 7–28.
- Киклевич, А. К. (2003), *Лексический прототип, семантические окказионализмы и неопределеннозначность*. В: *Acta Polono-Ruthenica*. VIII, 207–224.
- Кустова, Г. И. (2004), *Типы производных значений и механизмы языкового расширения*. Москва.
- Кэтфорд, Дж. К. (1989), *Обучение английскому языку как иностранному*. В: *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. Москва, 366–386.
- Норман, Б. Ю. (1993), *Между лексикой и синтаксисом (к семантике относительных прилагательных)*. В: *Сборник от научных трудов, посвящен на седемдесетгодишнина на професор Мирослав Янакиев*. София, 98–109.
- Падучева, Е. В. (2004), *Динамические модели в семантике лексики*. Москва.
- Перцов, Н. В. (1996), *О некоторых проблемах семантики и компьютерной лингвистики*. В: *Московский лингвистический альманах*. 1, 9–66.
- Перцов, Н. В. (1998а), *К проблеме инварианта грамматического значения. 1. Глагольное время в русском языке*. В: *Вопросы языкознания*. 1, 3–26.
- Перцов, Н. В. (1998б), *К проблеме инварианта грамматического значения. 2. Императив в русском языке*. В: *Вопросы языкознания*. 2, 88–101.
- Перцов, Н. В. (1999), *Заметки об инварианте*. В: *Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика*. Москва, 412–421.
- Перцов, Н. В. (2000), *О неоднозначности в поэтическом языке*. В: *Вопросы языкознания*. 3, 55–82.
- Перцов, Н. В. (2001), *Инварианты в русском словоизменении*. Москва.
- Шмелев, Д. Н. (1964), *Очерки по семасиологии русского языка*. Москва.
- Шмелев, Д. Н. (1973), *Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)*. Москва.
- Шмелев, Д. Н. (1977), *Современный русский язык. Лексика*. Москва.
- Jachnow, H. (1976), *Gibt es eine einheitliche Kasus-kategorie im Russischen?* В: *Anzeiger für Slavische Philologie*. 113–131.
- Kikiewicz, A. (2001), *Znaczenie w języku i tekście. (W poszukiwaniu inwariantów semantycznych)*. В: Nagy L. K. (ред.), *Lenguelek és magyarok Európában. Nyelv, irodalom, kultúra — parhuzamok és kapcsolatok. Tanulmányok D. Molnár István professzor tiszteére*. Debrecen, 40–55.

- Martin, W. (1997), *A Frame-based Approach to Polysemy*. В: Cuyckens, H./Zawada, В. (ред.), *Polysemy in Cognitive Linguistics*. Amsterdam — Philadelphia, 100–120.
- Zybatow, L. (1990), *Was die Partikeln bedeuten*. München.

Резиме

Александар Киклевич

СЕМАНТИЧКА ИНВАРИЈАНТА КАО КАТЕГОРИЈА ОПИСА ПЛАНА САДРЖАЈА ЛЕКСИЧКИХ ЗНАКОВА

У раду се разматра појам семантичке инваријанте и њене примене на опис лексичких значења у савременој русистици. Аутор се детаљно осврће на најпознатије концепције семантичке инваријанте — Н. В. Перцова, Л. Зибатова и Г. М. Зељдовича и при томе критички процењује дате концепције, чији се главни недостатак огледа у томе што оне игноришу синергички карактер језичке делатности, тј. узајамно деловање језичке компетенције и културно-когнитивног аспекта. Из анализе семантичке деривације коју је аутор провео проистиче да се дефинисање општега значења (које се, по мишљењу аутора, не може посматрати као алтернатива за многозначности) мора ослањати на принцип амбивалентности, тј. на конфигурацију дескриптивне семантике знака и у њему кодираног садржаја когнитивне (културно релевантне) информације.